

Эмма Рудкевич

A woman with dark hair, wearing a vibrant red blazer and matching high-waisted trousers with a wide belt, stands in a modern office. She holds a tablet in her right hand and rests her left hand on a dark, reflective desk. In the background, a man in a dark suit sits at the desk, looking down with a stressed expression, while a blonde woman sits next to him, looking away. Multiple computer monitors are visible, displaying financial data, including a prominent red line graph with a downward arrow and a world map. Large windows in the background reveal a city skyline at dusk.

Развод с предателем.

Твоя империя **рухнет**
без моего кода!

Эмма Рудкевич

**Развод с предателем. Твоя
империя рухнет без моего кода!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Развод с предателем. Твоя империя рухнет без моего кода! /
Э. Рудкевич — «Автор», 2026

На презентации инвесторам муж выключил мой микрофон.— Знай своё место, Анна. Ты всего лишь исполнитель! Но именно я написала код, на котором держится его компания. Пока Григорий обнимал любовницу, я создавала алгоритм, способный принести ему миллионы. Теперь он внёс меня в чёрные списки, заблокировал счета и обвинил в краже собственной разработки. Единственный, кто предлагает помощь, — опасный инвестор Максим Орлов. Ему нужна не моя любовь, а секреты империи бывшего мужа. Но Григорий совершил ошибку: запустил систему, не понимая её устройства. И скоро весь мир увидит, кто на самом деле написал код его успеха. Только могу ли я доверять Максиму?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эмма Рудкевич

Развод с предателем. Твоя империя рухнет без моего кода!

Глава 1

Кондиционер в переговорной «Москва-Сити» гудел над самым затылком. Я переставила заметки подальше от стакана с кофе: хватит одной капли, чтобы расплылась цифра, ради которой я сюда пришла. Сорок процентов. Именно столько нагрузки снимал мой алгоритм. Колени подрагивали, зато лист лежал на трибуне совершенно ровно. За столом ждали люди из Vector Capital. Я собиралась назвать им свою работу своим именем — и посмотреть, что после этого останется от брака с Григорием.

— Команда Nexus работает как единый организм, — начал Григорий. Пока он говорил, смотрел только на инвесторов; мне оставалось видеть его профиль. — Мы создали продукт вместе. Каждый вклад равен.

На «каждый вклад равен» я подняла голову от заметок. Им хватит этой фразы, чтобы записать автором Григория. Потом он разведёт руками: сама ведь стояла рядом, почему промолчала? — Если быть точной, — я шагнула к экрану, где висела схема микросервисов, — модуль аутентификации и ядро алгоритма рекомендаций написаны мной лично. Без этого фундамента остальная архитектура просто рухнет.

Григорий повернул ко мне голову, продолжая улыбаться фонду. Так у него получалось особенно хорошо: улыбка для денег, сжатые губы для меня. Виктория Коль, наша младшая PR-менеджерка, хихикнула за планшетом. Я зацепилась взглядом за её палец на экране — она даже не открыла мои слайды. Обсуждать код ей это не мешало.

— Анна, давай без лекций по Python, — перебила она, повернув свой планшет к сидевшему рядом инвестору. — Инвесторам важны маркетинговые фишки. А код — это скучно и вторично. Может, лучше расскажешь про дизайн?

Мужчина в сером костюме продолжал изучать схему. Партнёр фонда — мне называли его перед встречей. Я повернулась к нему, пока Виктория пыталась поймать мой взгляд. — Алгоритм динамически адаптируется под поведение пользователя в реальном времени, снижая нагрузку на серверы на 40%. — Я указала на две колонки замеров. — Вот нагрузка до внедрения. Вот после. Вы сможете проверить.

Мужчина в сером костюме перестал листать слайды. Григорий заметил это и махнул в мою сторону. Я знала жест: хватит, дай говорить мне. — Давай проще, Анна. Ты же исполнитель. Тень не может светить сама. Не смей смотреть на меня так, будто ты тут главная.

Я смотрела на его руку у пульта. Ещё минуту назад собиралась говорить «мы»: мы работали, мы проверили, мы запустили. Даже после всего, что он уже сделал. Вот дурная привычка — поправить мужу презентацию и заодно прикрыть мужу спину. Я передвинула лист с заметками. Следующую фразу он услышит с «я».

Прежде чем продолжить, пришлось сглотнуть. Григорий ждал, развернувшись ко мне. Лист под пальцами зашуршал, и этот звук услышали все. Ну и пусть. Я вывела финальную схему ядра и начала объяснять, что именно написала. Григорий шагнул к пульту; его палец лёг на кнопку микрофона. Звук исчез.

На экране осталось моё лицо. Рот двигался, звука в колонках больше не было. Я попросила сказать громче; мужчина во втором ряду наклонился вперёд, но Григорий уже занял место у работающего микрофона. Он рассказывал о своём детище. Мой лист всё ещё лежал

передо мной, и на нём были те же сорок процентов. Я прижала его ладонью, чтобы никто не увидел, как дрожат пальцы. Когда Григорий закончил, несколько человек похлопали. Один — с ручкой, зажатой между пальцами, даже не отложив её.

Я собрала листы по порядку. Григорий задержался рядом: видимо, ждал, что я начну выяснять отношения при инвесторах и подарю ему удобную концовку. Скандальная жена, извините за неприятную сцену. Он уже набрал воздуха. Я убрала заметки в сумку и застегнула молнию. Ему пришлось выдохнуть молча.

Мы вышли в коридор лофт-офиса. Пахло новым пластиком мебели и пылью ремонта. Григорий поймал меня за локоть. Его парфюм, запах которого я когда-то любила на его подушке, теперь вызывал тошноту. — Извинись перед командой за нарушение субординации, — шептал он, наклоняясь низко. — Иначе я сделаю так, что ты никогда не найдешь работу в этом городе.

Я остановилась и высвободила локоть, потянув вниз, к щели между его пальцами. Он снова протянул руку, но я уже достала телефон. Открыла запись встречи, подвела бегунок к моменту, где он стоял у пульта. Видео, аудиодорожка, таймкод — можно пересматривать сколько угодно. — Это было записано автоматически при подключении к системе, — сказала я тихо. — И отправлено всем участникам встречи в облако пять минут назад.

Григорий подался к телефону. Я чуть отвернула экран: посмотреть — пожалуйста, забрать из рук не дам. Рот у него остался приоткрытым. Говорить перед людьми из фонда он умел, а вот пересмотреть сказанное на записи ему, похоже, не хотелось. Я удалила его контакт. Нажала «Блок». — Поздравляю с успехом, — произнесла я, глядя сквозь него. — Но код писала я.

На выходе я вспомнила про зонт — он стоял внутри, у входа. Возвращаться, снова ловить взгляд Григория, снова слышать «Аня, ну хватит» я не стала. Дождь сразу промочил волосы у пробора. Хорошо: с улицы никто не разберёт, что течёт по лицу. Я шла, прижав сумку к боку, и только у перехода заметила вибрацию телефона. Сообщение с незнакомого номера.

«Впечатляющая игра. Мне нужно увидеть исходники. Орлов».

Глава 2

Пионы заняли почти весь дверной проём. За ними обнаружился Григорий — в сером костюме, как на встречу с клиентом, которого ещё можно вернуть скидкой. В тесной кухне Лизы запах цветов перебил даже валерьянку. Он держал букет обеими руками. Я посмотрела на часы у него на запястье и сразу захотела закрыть дверь. Эти часы когда-то означали, что у нас получилось. Теперь он принёс их сюда вместе с цветами, собой и правом распоряжаться моим вечером.

— Давай поговорим, Ань. По-человечески.

Григорий наклонил букет ко мне, освобождая себе обзор. Он умел так говорить перед плохими новостями: тихо, с паузой после имени. Я уже хотела посторониться, пропустить его, как делала дома. Пришлось крепче взяться за дверную ручку.

Букет я взяла. Он даже успел расслабить плечи. Стебли скользили в ладони; вода капала на линолеум, пока я несла пионы через кухню к мойке. Пришлось примять их, чтобы влезли в ведро между очистками и чайными пакетиками. Один бутон остался торчать наружу. Я заправила его внутрь и вытерла руки.

Григорий посмотрел в сторону мойки. Должно быть, выбирал, что возмутительнее: дорогие цветы в мусоре или необходимость делать вид, что ничего не случилось. Он вошёл в квартиру и выбрал второе.

— Ты драматизируешь, — бросил он, сядя на единственный табурет у окна. Отодвинул его от батареи, устроился поудобнее. Когда-то я подвинула бы ему чашку и спросила, голоден ли. Сейчас он постукивал носком туфли по линолеуму, а я стояла у мойки. — Я принёс предложение. Пять процентов акций «Nexus». Плюс должность советника CEO. Мы могли бы... начать заново. Как партнёры.

Пять процентов. Я мысленно вернулась к схеме долей и к бумагам, которыми он собирался закрепить своё авторство. За каждый мой модуль он предлагал мне должность человека, которого можно не слушать. Советник CEO. Звучит солидно, если не знаешь, кто этот CEO. Я провела большим пальцем по мокрому следу от стеблей на ладони. Цветы он выбирал дольше, чем условия для меня.

— Трудно найти работу после такого публичного унижения, Анна. — Он кивнул на стоявший у меня за спиной старый ноутбук. — Рынок сейчас закрыт для тех, кто поссорился с основателями.

Он уже выбрал табурет, сумму и должность. Мне оставалось согласиться. Григорий ждал, постукивая туфлей; я задержалась у мойки ещё на секунду, чтобы не броситься оправдываться за старый ноутбук и чужую кухню.

Я достала планшет с открытым письмом и развернула его к Григорию. «Vector Capital» наверху. Подпись Максима Орлова внизу. Читая, Григорий наклонился и перестал стучать ногой. Слишком долго смотрел на подпись, чтобы отделаться своим обычным «Ань, тебе спам прислали».

Орлов мог купить его компанию за три дня. Эту фамилию дома произносили совсем другим голосом.

— Это не то, о чём ты думаешь. — Я удержала планшет, когда Григорий потянулся взять его. — Это альтернатива твоим подачкам. Она стоит дороже твоего пятипроцентного куска.

Он поднялся с табурета. Тот ударился ножкой о батарею, и я невольно оглянулась на него, а Григорий поймал мой взгляд — обрадовался этой маленькой испуганной реакции. Пришлось снова посмотреть ему в лицо. От прежней улыбки осталась только привычно приподнятая верхняя губа.

— Неблагодарная сука, — прошипел он. — Я сделал тебя тем, кто ты есть. Без меня ты бы все еще перепродавала старые книги на барахолке! Я могу сделать так, что никто в этом городе не возьмет тебя на собеседование. Слухи о твоей истерике уже пошли.

— Какие слухи? — я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию до опасной близости. Пахло его одеколоном — сандал и деньги. Меня затошнило. — О том, как ты выключил микрофон своей жены, пока она спасала твой бизнес от краха?

Глаза Григория расширились.

— У меня есть запись того дня, — продолжила я, понижая голос до шепота. — Полная, с видео и аудио. Инвесторы «Vector» обожают такие детали. Они ценят прозрачность управления. Запись уже у них. Если ты продолжишь давить, следом уйдет и этот разговор. Прямо сейчас.

Григорий посмотрел на планшет еще раз. На этот раз не на сумму и не на логотип — на подпись. Я придержала экран, хотя мне хотелось убрать письмо от него, спрятать хотя бы одну хорошую вещь, которую он еще не успел испортить. Пусть читает. Про Орлова он мог рассказать мне гораздо больше, чем я знала сама, и судя по тому, как он перестал двигаться, новости мне бы понравились.

В дверь позвонили. Резко, требовательно.

Мы оба вздрогнули. Григорий первым пришел в себя, натягивая улыбку. Он открыл дверь.

Виктория Коль оглядела нас с порога. Уложенные волосы оставались сухими — от машины её, видимо, проводили под зонтом. На подоле дорогого платья тоже ни капли. Я спрятала пальцы с содранным лаком в пояс халата, разозлившись на себя за этот жест. Вика держала коробку с печеньем обеими руками; при виде меня прижала её к груди и поджала губы. Сейчас пожалеет.

— Аня! — воскликнула она, входя в комнату без приглашения. — Гриша сказал, ты совсем одна. Бедняжка. Я принесла что-нибудь сладкое. Жизнь продолжается, правда?

Виктория прошла к окну, задержав взгляд на ведре у мойки. Потом вернулась к Григорию и тронула пальцем часы на его запястье. Я посмотрела на неё. Руку она не убрала — как раз этого взгляда и добивалась.

— Красивые, — сказала она, не убирая руки. — Те самые, что она подарила тебе на годовщину? Гриша, ты даже подарки от бывшей не выбрасываешь.

На секунду я слышала только тик часов. Виктория всё ещё касалась их пальцем. Я отвернулась к чайнику и нажала кнопку, со второго раза: первый раз промахнулась ногтем. Чайник зашумел. Слова я подобрала раньше, чем вода успела вскипеть. Назвать происходящее вслух оказалось легче, чем смотреть на её руку.

— Виктория, — произнесла я, не оборачиваясь. Голос был спокойным, деловым. — Почему PR-специалист перебирает подарки чужой жены прямо у неё на кухне? Или вы уже перешли грань, даже не оформив развод?

Виктория отняла пальцы от часов и спрятала руку за коробку с печеньем. Смотрела она теперь на Григория. Ну же, защити, придумай что-нибудь, ты ведь здесь главный. Он поправил манжету именно на том запястье, которого она касалась. Мне захотелось рассмеяться. Они пришли вдвоём, реплики явно приготовили заранее, а простого вопроса друг другу не предусматривали.

Григорий вытянул коробку с печеньем из рук Виктории и поставил на стол, освобождая себе место для конверта. Я следила за его пальцами. Когда словами не удавалось убедить меня, он обычно переходил к срокам и деньгам. Сейчас он достал и то и другое.

— Ладно, — он одернул пиджак. — Возьми паузу. Отдыхай месяц. Потом обсудим условия. Но учти, Анна, мир не ждет.

Он положил на стол конверт и придвинул ко мне. «На первые нужды», — шевельнулись губы. Цветы в ведре его всё-таки чему-то научили: теперь предлагал то, что труднее выбросить.

Когда они ушли, хлопнув дверью так, что задребезжала посуда, я осталась одна. Запах пионов из ведра стал невыносимым. Я подошла к окну. Конверт лежал на столе, белый и безликий.

Под клапаном конверта лежали две пятитысячные купюры. Я раздвинула их большим пальцем и опять сложила вместе. На неделю хватило бы: продукты, метро, хотя бы один день без подсчёта каждой покупки. Пять процентов не взяла, а это возьму? Потом Григорий сможет сказать: я её до сих пор кормлю.

У окна пришлось убрать с подоконника Лизину чашку. Створка поддавалась туго; в лицо потянуло бензином и мокрым асфальтом. Конверт я выпустила из пальцев сразу, пока ещё хотела оставить. Он упал в лужу. Бумага намокала, а я всё стояла у окна и считала: пять тысяч, ещё пять тысяч. Хватит считать. Я закрыла створку.

Закрывать замок удалось со второй попытки. Ключ звякнул о накладку, и я разозлилась на руку: самое трудное уже сделано, нельзя хотя бы сейчас перестать трястись? За дверью никто не заговорил. Я прислонилась к ней лбом. Конверт лежал внизу, в луже. Завтра десять тысяч мне очень пригодились бы. Сегодня я знала, что за них купят, и впервые отказалась продаваться.

Телефон завибрировал в кармане халата. Номер был не сохранён, но я узнала последние цифры. Рекрутер из агентства, с которым мы говорили вчера.

— Анна, здравствуйте. Плохие новости. Ваш профиль заблокирован в системе кандидатов большинства крупных IT-компаний Москвы. Ссылки идут на репутационные риски. Григорий Ланской официально инициировал процедуру «черного списка».

Я посмотрела на пустой табурет. Он сидел тут несколько минут назад и предлагал мне пять процентов. Пока предлагал, где-то уже исполняли его распоряжение. Стало стыдно за тот миг, когда я почти поверила в отчаяние человека с букетом. Нужно было записать названия компаний, спросить про письмо, сохранить всё — а я стояла с телефоном и смотрела на табурет.

— Спасибо, что сообщили, — сказала я. Голос не дрогнул.

Я нашла номер в письме Максима Орлова. Палец остановился над вызовом. В записи питча он услышал, как у меня отняли микрофон; теперь услышит, как я прошу дать мне работу? Я перечитала письмо и нажала на номер. Сначала узнаю, готов ли он вообще разговаривать после звонков Григория.

— Максим Андреевич, добрый вечер. Это Анна Ветрова. Вы правы, конкуренты действительно боятся. Мой доступ к рынку только что был перекрыт официально. Готов ли ваш фонд работать с человеком, которого пытаются уничтожить?

В трубке было тихо. Я отняла телефон от уха, проверяя, идёт ли ещё вызов, и торопливо приложила обратно: вдруг он ответит именно сейчас.

— Страх конкурентов — лучший индикатор ценности, — сказал Орлов. Голос оказался ниже, чем я ожидала. Я поднесла телефон ближе, чтобы расслышать продолжение. — Жду послезавтра в девять утра. Не опаздывайте.

После гудков я села прямо на пол. Колено упёрлось в край шкафа, и я немного отодвинулась, не выпуская телефон. Послезавтра. Девять утра. Это ещё не работа и даже не обещание работы, только время, когда меня согласились выслушать. Я повторила его вслух, чтобы не потерять вместе с остальным.

Глава 3

Лиза уехала в командировку; ключи она оставила мне. К позднему вечеру я наконец села за старый ноутбук. Поставила чашку справа, переложила её налево, снова переставила. На пустой кухне никто не мешал работать, но я всё ещё ждала очередного звонка.

Экран телефона вспыхнул. SMS от неизвестного номера. Прикрепленное фото.

На фотографии был рабочий ноутбук, оставленный в переговорной «Nexus» после передачи дел. Серебристая крышка с моей наклейкой попадала в край снимка. Сняли сбоку, достаточно близко, чтобы я разглядела клавиатуру. Экран спал — ни файла, ни открытой переписки мне не показали.

Подпись: «Хочешь вернуть? Или хочешь узнать, что там внутри?»

Я увеличила фото. Мой ноутбук, моя наклейка. Сразу захотелось вспомнить последний открытый файл: рабочая заметка или что-то личное? На секунду я даже приготовилась отвечать, спрашивать, на каких условиях он вернёт машину.

Перед передачей дел я двадцать минут удаляла личные файлы с рабочего диска. Папку за папкой, пока меня торопили: ну долго ещё? Я тогда даже открыла пустую корзину второй раз, чтобы убедиться. Сейчас вспомнила её и убрала палец с поля ответа. Если ему есть что показать, почему прислал спящий экран?

Отложила телефон к краю стола. Даже фотографию он выбрал неудачно: на ней нельзя было прочитать ни одного файла.

На своём старом ноутбуке я вернулась в облачное хранилище. Пять минут назад резервный ключ пропустил меня к архивам. Основной аккаунт Григорий заблокировал, а ключ остался рабочим. Проверять такую мелочь самому? Для этого у него была я.

До блокировки администраторских прав я успела сохранить логи доступа и исходники модуля безопасности. В основе стоял бесплатный open-source код, который Григорий интегрировал с нарушением лицензии. Я открыла архив именно с этим модулем. Убрать его из «Nexus» по-тихому не получится: на нём держалась аутентификация, без него система рухнет. Он прислал мне фотографию железки, а здесь оставалось то, за что инвесторы готовы платить.

Я открыла папку на экране ноутбука. Лог доступа. Дата последнего изменения ядра системы — вчера ночью. Время: 02:14 ночи.

Автор изменений: g.lansky.

Я открыла разницу версий. Григорий обычно вписывал русские комментарии посреди англоязычного кода; здесь я узнала имена переменных ещё до того, как дочитала цикл. Сама выбирала их. Даже вспомнила, на каком из них однажды опечталась.

Это был мой почерк.

Пришлось открыть свой старый файл рядом. Совпадало строка за строкой. Он пытался исправить баг, появившийся после моего ухода, и перенёс готовое решение целиком. В комментариях к архитектуре я год назад объяснила, как его применять; теперь нашла и их. Григорий выполнил инструкцию, скопировал код и поставил под результатом своё имя. Наверняка уже рассказал команде, как справился без меня. Я увеличила шрифт: хотелось рассмотреть эту наглость поближе.

В темноте пустой квартиры я улыбнулась. Широко, до боли в скулах.

Я вернулась к времени коммита. Вчера, 02:14. Под моей работой он поставил своё имя и сохранил историю изменения — аккуратно, заботливо, почти как расписку. Условия лицензии лежали рядом с модулем с самого начала. Я проверила, что файл на месте, затем снова открыла разницу версий. Хотелось наслаждаться находкой, но сначала следовало убедиться, что я действительно смогу её показать.

Крышку ноутбука я закрыла только после проверки архивов. Тихий щелчок — и кухня снова потемнела. Пришлось отодвинуть чашку: пока я читала, в ней остыл чай. До этого момента даже не вспомнила, что собиралась его выпить.

Послезавтра в девять утра я встречу Максима Орлова. Ещё час назад собиралась принести ему рассказ о том, как меня унизили. Теперь у меня была папка, с которой ему придётся работать. Я убрала телефон экраном вниз: пусть Григорий подождёт ответа на фотографию. Его имя стояло в логах. Моё — в коде. Спать я всё равно не смогла бы.

Из лифта на Пресне люди выходили, не глядя друг на друга. Я держала сумку перед собой: в ней лежало резюме, которое даже не попросили оставить. «Вакансия закрыта внутренним кандидатом», — сказала HR-менеджер и сразу стала складывать бумаги. У меня был вопрос, на какой именно минуте собеседования появился этот внутренний кандидат. Я его не задала. Пока смотрела на цифры этажей, придумала три способа спросить — все поздно.

— Анна?

Я вздрогнула. Дверь лифта начала закрываться, но чья-то рука успела просунуться между створками. Металл со скрежетом распахнулся обратно. На площадке стоял Дима Соколов. Он вошёл, пока я отступала к стенке. Рекрутер, который три месяца назад звонил мне сам, предлагая роль СРО в финтехе с окладом, о котором я раньше только мечтала.

Дима успел улыбнуться, а потом рассмотрел меня. Улыбка пропала. Он опустил глаза в телефон и начал двигать пальцем по экрану, где я не заметила ни одной меняющейся строки. Три месяца назад Дима набрал мой номер трижды за утро. Сейчас между нами оставалось полшага, и он старательно занимал их телефоном.

— Привет, Анечка, — пробормотал он, даже не подняв глаз. — Ты... ты тут работаешь?

— Нет, Дима. Я пришла на собеседование. В банк.

Дима хмыкнул и уставился на цифру три. Когда двери открылись, вышел первым, хотя я стояла ближе. Я осталась у стенки. Он даже не сказал обычного «созвонимся»; раньше умел произносить его так, что я верила.

Я потянулась к кнопке третьего этажа. Кабина уже шла вниз; чтобы догнать Диму, пришлось бы вернуться и искать его по коридорам банка с резюме в руках. Спросить при его клиентах: что со мной не так? Пальцы упёрлись в стенку рядом с кнопкой. С тех первых звонков его номер так и оставался в избранном. Теперь я сама стояла перед ним — и он вышел. Кнопку я так и не нажала. До первого этажа смотрела на закрытые двери, злясь, что дала ему уйти без ответа.

Телефон завибрировал в кармане пальто. Над входящим вызовом Саши ещё висели уведомления, которые я второй день смахивала, не открывая. Старый коллега из Nexus. В подвале офиса мы вдвоём писали архитектуру бэкенда, пока Григорий пил виски на крыше. Саша видел мои правки до того, как они становились «решением основателя». Ему не придётся ничего доказывать. Я успела обрадоваться и только потом нажала на зелёную кнопку.

Телефон я прижала слишком сильно; край чехла вдавился в ухо. Ослабить хватку удалось только после первого шороха в трубке.

— Алло?

В трубке зашуршало, потом стало тише. Саша, кажется, прикрыл телефон ладонью. Я тоже стала говорить тише, хотя рядом со мной никто не стоял.

— Аня, ты чего отвечаешь? Тебе нельзя... мне нельзя.

— Саш, мне нужна справка по X-12. Кто писал код, что я сделала. Ты же помнишь? — Я приготовилась назвать даты релизов, если он забыл. — Можешь подтвердить?

На мой вопрос Саша не ответил сразу. Рядом с ним стучали каблучки, кто-то засмеялся. Я ждала, когда эти люди пройдут мимо. Они прошли; он всё ещё молчал.

— Аня, послушай меня внимательно, — прошептал Саша. — Гриша разослал всем своим контактам письмо. Буквально сегодня утром. Там написано, что ты сливала данные конкурен-

там. Что тебя уволили за нарушение этики и NDA. Если я скажу хоть слово против, меня вычистят. И ты знаешь, как он это делает. Без выходного пособия. С клеймом предателя.

Во рту стало кисло. На полу передо мной темнел след от чужого ботинка. Я водила носком по его краю и слушала, как Саша дышит. Помнит. Конечно, помнит: сидел рядом, ругался вместе со мной, когда Григорий обещал запуск раньше срока. Даты ему подсказывать не надо. Ему надо завтра прийти в офис и сесть за своё место — вот что он только что объяснил. Я могла ещё попросить, чтобы он написал справку без подписи. Уже открыла рот и остановилась. Кому нужна рекомендация человека, который боится поставить под ней имя?

— Он сказал про код? — Я произнесла каждое слово отдельно, чтобы Саша не мог принять вопрос за очередную просьбу пожалеть меня.

Саша замолчал. Потом я услышала тихий щелчок. Занято.

После щелчка я ещё несколько секунд держала телефон у уха. Может, связь оборвалась; может, он перезвонит. Саша не перезвонил. Я вышла на улицу и села на бордюр, положив сумку себе на колени. Мокрый бетон сразу проступил холодом сквозь брюки. Нужно было встать: прохожие обходили меня. Но сначала я открыла список последних вызовов. Его номер оставался там, на первой строке. Хотя бы не приснилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.